ПРАВО

УДК 343

В.Ф. Анисимов. Н.Ю. Акинина

ОБОСНОВАННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Анализируется обоснованность введения административной преюдиции в УК РФ. Данная норма позволяет декриминализовать деяния небольшой тяжести, где впервые совершенное правонарушение влечет наступление административной ответственности, повторный проступок квалифицируется как преступление. Их применение допустимо в отношении отдельных деяний, позволяющих эффективней разграничивать преступления и правонарушения. Они также обладают превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие последствия, нежели чем само деяние.

Ключные слова: административная преюдиция; административное правонарушение; преступление; эффективность уголовного закона.

Особенной чертой современной уголовно-правовой политики России является декриминализация уголовно-правовых деяний небольшой тяжести через введение так называемого института административной преюдиции, где только повторное совершение проступка квалифицируется как уголовное деяние.

Толчком введения в Уголовный кодекс РФ административной преюдиции послужило Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г. [1], где было сказано, что в уголовном законе следует шире использовать административную преюдицию, т.е. привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения. В результате в УК РФ в 2009 г. была введена ст. 178 УК РФ, предусматривающая ответственность за неоднократное злоупотребление доминирующим положением. Первый опыт использования уголовноправового запрета с административной преюдицией оказался не совсем удачным, в связи с чем Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 45-ФЗ ст. 178 УК РФ была принята в новой редакции без использования административной преюдиции. Однако в 2011 г. была введена еще одна уголовно-правовая норма с административной преюдицией, предусматривающая ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно (ст. 151.1 УК РФ). Затем, в 2014 г. в УКРФ появился состав преступления, предусматривающий ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК).

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2015 г. вновь уделено внимание использованию административной преюдиции [2]. В результате начиная с 2015 г. УК РФ постоянно пополняется новыми составами с административной преюдицией. Так, уголовная ответственность установлена за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ), неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), незаконную роз-

ничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) и другие противоправные деяния.

Стоит отметить, что институт административной преюдиции не является порождением современного уголовного законодательства, а активно использовался раннее в уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.). Особенно активно использовалась административная преюдиция в УК РСФСР 1960 г., где таких составов насчитывалось 19 (ст. 152; ч. 2 ст. 153; ч. 3 ст. 154, 157; ч. 2 ст. 159; ч. 1 ст. 162; ч. 3 ст. 166; ч. 1 ст. 169, 190.1, 197, 197.1, ст. 198, 198.1, 198.2; ч. 3 ст. 206, 209; п. «а» ст. 245; п. «а» ст. 260; п. «а» ст. 268).

Наряду с административной преюдицией в уголовном законодательстве советского периода также использовались такие ее виды, как общественная и дисциплинарная. К примеру, непредставление должностными лицами в срок по требованию центральных или местных властей необходимых сведений, справок, отчетов и т.п., представление коих для них обязательно по закону, каралась в первый раз в дисциплинарном порядке, во второй раз – принудительными работами на срок не ниже трех месяцев с увольнением от должности (ст. 118 УК РСФСР 1922 г.). Кроме того, в соответствии со ст. 51 УК РСФСР 1960 г. лицо могло быть освобождено от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда, если оно совершило впервые деяние небольшой тяжести и к нему могли быть применены меры общественного воздействия.

Использование уголовно-правовых норм с административной и иными видами преюдиции среди исследователей уголовного права подвергалось жесточайшей критике.

Один из основных доводов о недопустимости административной преюдиции заключался в том, что сколько бы ни было административных правонарушений, они не могут перерасти в преступление [3. С. 83].

Профессор М.И. Ковалев также полагал, что повторность проступка не в состоянии превратить его в

качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. По его мнению, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту. М.И. Ковалев полагал, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования [4. С. 11, 12].

Аналогичную позицию высказывал и А.Н. Тарбагаев, в соответствии с которой повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество, т.е. менять характер и степень общественной опасности [5. С. 62–68].

При этом в теории уголовного права имелась и другая позиция, в соответствии с которой общественная опасность преступного деяния определяется не только объективными, но и субъективными свойствами, в частности устойчивостью его правонарушающего поведения. На неоднократность действий как свойство поведения, обладающее степенью устойчивости антиобщественного личностного отношения, указывал В.Д. Филимонов [6. С. 32].

Однако при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 г. законодатель отказался от использования административной преюдиции. В основу такого отказа была положена позиция тех исследователей, которые утверждали, что повторность поступка не может образовать общественную опасность деяния.

Кроме того, социальная практика столкнулась с тем, что зачастую достаточно сложно было установить грань между общественной опасностью преступления и вредоносностью административного правонарушения, особенно в тех случаях, когда криминообразующими признаками деяния являлись оценочные признаки. По этой причине в последнее время круг таких деяний, за которые предусмотрена ответственность по норме с административной преюдицией, растет.

Так, с 3 июля 2016 г. внесены изменения в ст. 157 УК РФ, в соответствии с которыми уголовная ответственность наступает за неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно. Ранее до внесения изменений уголовная ответственность наступала за злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста. Признак злостности являлся криминообразующим, в соответствии с которым уголовное преступление отграничивалось от непреступных форм поведения. Стоит отметить, что признак злостности в данном составе преступления перешел в действующий закон из советского уголовного законодательства, когда трудовая занятость была гарантирована государством. Вопрос о том, является ли уклонение от уплаты по решению суда или постановлению народного судьи алиментов на детей злостным, решался судом в каждом конкретном случае с учетом продолжительности и причин неуплаты лицом алиментов и всех других обстоятельств дела. В качестве признаков злостного уклонения от уплаты алиментов указывались повторность совершения аналогичного преступления, уклонение от уплаты алиментов, несмотря на соответствующие предупреждения, розыск лица, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им своего местонахождения и т.д. [7]. В период же рыночной экономики неуплата алиментов была зачастую связана с потерей работы, и по этой причине правоприменительная практика стала испытывать определенные сложности с установлением данного признака. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор мирового судьи участка № 8 Советского района г. Самары от 18 июля 2001 г., определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 26 ноября 2001 г., постановление президиума Самарского областного суда от 13 марта 2003 г. в отношении С.И. Шубина, осужденного по ст. 157 УК РФ, были отменены, дело прекращено за отсутствием в деянии состава преступления. Надзорная инстанции пришла к такому заключению в связи с отсутствием признака злостности. Как указано в решении, Шубин не выплачивал алименты с февраля по май 2001 г., принимал меры к трудоустройству, начав выплачивать их с июля 2001 г. [8].

Введение административной преюдиции в ст. 157 УК РФ не только способствует более четкому разграничению преступного деяния и правонарушения, но также является способом частичной декриминализации деяний. Так, за неуплату алиментов лицо привлекается изначально к административной ответственности. И только в случае, когда административное взыскание не возымело должного воздействия, и лицо, подвергнутое административному взысканию продолжает не исполнять алиментные обязательства, в отношении него применяются уголовно-правовые меры.

Так, если обратиться к уголовной статистике, то на протяжении последних лет вплоть до 2016 г. (года введения административной преюдиции в ст. 157 УК) отмечалась тенденция к непрерывному росту лиц, привлекаемых по ч. 1 ст. 157 УК РФ. Так, к уголовной ответственности по данному составу было привлечено в 2009 г. 40 262 чел., в 2010 г. – 47 905, в 2011 г. – 54 359, в 2012 г. – 57 680, в 2013 г. – 60 654, в 2014 г. – 62 703, в 2015 г. – 64 927, в 2016 – 34 032, в 1-м полугодии 2017 г. – 14 618 чел. [9].

Стоит отметить, что с начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 157 УК РФ предусматривала наказание в виде обязательных работ, исправительных работ либо ареста. При этом внесение изменения Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 1 ст. 157 УК РФ, в соответствии с которым наказание было ужесточено вплоть до лишения свободы сроком до одного года, никаким образом не повлияло на снижение количества совершаемых преступлений.

При этом введение административной преюдиции с июля 2016 г. позволило наиболее эффективно воз-

действовать на должников алиментных обязательств в отношении детей. Так, по информации Федеральной службы судебных приставов, с указанного момента в отношении должников по алиментам возбуждено 59 тыс. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ, а в отношении 2,7 тыс. человек, которые, невзирая на административное наказание, так и не приступили к исполнению своих обязательств, возбуждены уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ. Комплексная реализация органами дознания указанных законодательных изменений позволила дополнительно взыскать на содержание детей более 64,3 млн руб. [10].

С целью декриминализации деяний небольшой тяжести были внесены изменения в ст. 116 УК РФ, где уголовно-правовым деянием признаются побои, если они совершенны из хулиганских побуждений, и по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В отношении остальных случаев побоев уголовная ответственность наступает, только если побои совершены лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ). Однако декриминализация бытового насилия обществом была воспринята неоднозначно. Противники полагают, что данное нововведение приведет к росту бытового насилия, имеющего более тяжкие последствия. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. за побои было осуждено 16,2 тыс. чел. За первое полугодие 2017 г. (период действия нового законодательства) к административной ответственности привлекли 51,7 тыс. чел., к уголовной ответственности – 74 чел. [9]. В то же время сторонники декриминализации отмечают, что рост обращений, напротив, свидетельствует о том, что административная норма эффективней защищает от насилия, поскольку жертвы бытового насилия, обратившись в полицию, впоследствии отзывают свои заявления под давлением членов своих же семей. Кодекс об административных правонарушениях не предусматривает возможности отзыва заявления. Кроме того, привлечение лиц к административной ответственности в отличие от уголовного расследования носит более оперативный характер. В настоящее время в связи с незначительной судебной практикой, позволяющей объективно оценить эффективность нормы, не представляется однозначно сделать вывод об обоснованности уголовно-правовой нормы с административной преюдицией.

Кроме того, необходимость введения некоторых составов с административной преюдицией было обусловлено невозможностью воздействия на определенный вид общественно опасного поведения мерами административного характера, что вполне соответствует одному из условий криминализации деяния — невозможности воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами. Данное условие означает отсутствие норм в других отраслях права, эффективно воздействующих на нарушение [11. С. 259].

Именно из этих посылов было криминализировано нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Не подлежит сомнению тот факт, что статистика аварийности и жертв автомобильных катастроф носит угрожающий характер. Одной из причин аварийности, вне сомнения, является управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При этом ужесточение административного законодательства, а именно: значительное увеличение административных штрафов (до 30 тыс. руб.), введение административного ареста, особо не повлияло на ситуацию. Между тем возможности административных мер воздействия являются ограниченными. Данная ситуация обусловила принятие мер уголовно-правового воздействия к лицам, которые оказались нечувствительными к мерам административной ответственности, поскольку многие из них, лишенные прав, свободно продолжали управлять автомобилями.

Так, если обратится к уголовной статистике, то она отображает следующую картину. За нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 264 УК РФ), осуждены в 2011 г. – 1 821 чел., в 2012 г. – 2 087, в 2013 г. – 2 314, в 2014 г. – 2 203, в 2015 – 1 244, в 2016 г. – 1 237, в 1-м полугодии 2017 г. – 716 чел. [9]. Согласно уголовной статистике с 2011 по 2013 г. наблюдается рост преступлений по данной статье, в 2014 г. – небольшое снижение. В то же время в 2015 г. отмечается значительное снижение преступных деяний по ч. 2 ст. 264 УК РФ.

Снижение количества преступных деяний в период 2015 — 2016 гг. отмечается и по ч. 4 ст. 264 УК РФ и в 2016 г. по ч. 6 ст. 264 УК РФ, где в качестве квалифицирующего признака также выступает лицо, находящиеся в состоянии опьянения. Так, по ч. 4 ст. 264 УК РФ были осуждены в 2011 г. — 1510 чел., 2012 г. — 1908 чел., 2013 г. — 1817 чел., 2014 г. — 1843 чел., 2015 — 1645 чел., 2016 — 1148 чел., 1 полугодие 2017 — 569 чел.; по ч. 6 ст. 264 УК РФ — 2011 г. — 211 чел., 2012 г. — 240 чел., 2013 г. — 239 чел., 2014 г. — 259 чел., 2015 — 262 чел., 2016 — 152 чел., 2017 г. (1 полугодие) — 82 чел. [9].

Данный период характеризуется вступлением в действие (с 01.07.2015) уголовной нормы, предусматривающей ответственность за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ). В 2015 г. по данной статье осуждено 18 987 чел., в 2016 г. – 75 282, в 2017 (1-е полугодие) – 33 446 чел. Следовательно, анализ уголовной статистики свидетельствует о снижении преступлений по частям 2, 4, 6 ст. 264 УК и одновременном росте преступлений по ст. 264.1 УК РФ.

Соответственно, можно констатировать тот факт, что привлечение лиц по ст. 264.1 УК РФ частично смогло предупредить совершение преступлений, предусмотренных по частям 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, где в качестве преступных последствий является тяжкий вред здоровью, а также смерть человека, смерть двух и более лиц.

Соответственно, ст. 264.1 УК РФ обладает превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие уголовно-правовые последствия, нежели само деяние, за которое наступает уголовная ответственность.

Таким образом, стоит согласиться с тезисом С.А. Маркунцова о том, что наличие уголовноправовых запретов, сконструированных с административной преюдицией, и постепенное расширение их числа в УК РФ необходимо рассматривать как реальность [12. С. 31–42]. В этой связи данные уголовно-правовые запреты должны получить советующее научное обоснование.

Стоит ответить, что в УК РФ само понятие «административная преюдиция» не используется. Уголовно-правовые нормы с данной конструкцией характеризуются наличием такого признака, как неоднократность. Эта ситуация объясняется тем, что административная преюдиция, как правильно отмечает С.А. Маркунцов, является особым средством юридической техники, устанавливающим сложный фактический состав, заключающийся в учете при привлечении к уголовной ответственности лица за повторное совершение в течение определенного периода времени аналогичного деяния [12. С. 31–42].

Действующий УК РФ не содержит понятия «неоднократность». Ранее в нем данное понятие рассматривалось как вид множественности преступлений, под которой понималось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК. Также под неоднократностью могло признаваться совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК, если это было установлено соответствующими статьями.

В 2003 г. законодатель отказался от такого вида множественности преступности, как неоднократность. При этом законодатель, исключив ее из УК РФ, полностью от нее не отказался и сохранил в отдельных уголовно-правовых нормах в виде сложного состава преступления, который выражался в неоднократности действий. Например, ст. 180 УК (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) — для квалификации уголовного преступления указанные деяния должны быть совершены неоднократно; ст. 110 УК (доведение до самоубийства) — унижения человеческого достоинства потерпевшего должны носить систематический характер; п. «а» ч. 2 ст. 105 УК (убийство двух и более лиц).

В настоящее время законодатель вновь пошел по пути расширения использования неоднократности. Так, данный вид множественности представлен как неоднократность уголовных проступков (например, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135), где в качестве квалифицирующего признака выступает судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Как вид множественности необходимо рассматривать неоднократность правонарушений, которая сконструирована с помощью административной преюдиции. В этом случае неоднократность выражается в том, что лицо должно совершить деяние. При этом оно ранее должно было быть привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние.

Вместе с тем по мере расширения уголовноправовых норм с административной преюдицией вновь обострилась полемика по поводу обоснованности их использования.

Одним из самых ярых противников использования административной преюдиции является Н.А. Лопашенко. Она аргументирует свою позицию тем, что все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе законодатель объявляет преступной абсолютно по механическому признаку — повторяемости и накоплению самостоятельных административных правонарушений, никоим образом не связаны между собой [13. С. 68].

По мнению А.А. Гогина, признание некоторых проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления независимо от иных обстоятельств [14. С. 31].

Вне всякого сомнения, в основе преступности деяния лежит общественная опасность деяния. При этом А.В. Шеслер отмечает, что общественная опасность выражается одновременно как во вредоносности преступления, так и в прецедентности, т.е. наличии у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных деяний в будущем [15. С. 25–32]. При этом свойство повторения деяния в будущем может быть обусловлено только самой личностью. Соответственно, общественно опасное деяние характеризуется как характером и степенью такого деяния, так и личностью самого преступника.

Кроме того, неоспорим тот факт, что деяние, совершенное повторным преступником, опаснее деяния лица, совершившего преступление, как в силу большего негативного психологического воздействия на окружающих, так и большей степени вины преступника [6. С. 42–47]. Соответственно, по мнению А.В. Шеслера, по аналогии можно предположить, что вредоносность второго нарушения после наложения на правонарушителя административного взыскания за аналогичное первое нарушение достигает степени общественной опасности, которая свойственна преступлению [16. С. 63].

Личность преступника в качестве связующего звена между административным взысканием и преступлением рассматривает В.П. Малков, считая, что виновный при совершении повторных преступлений демонстрирует вызов обществу и тем самым обнаруживает свою повышенную опасность, которая формирует у него в дальнейшем преступный профессионализм [17. С. 25].

П.Д. Фризен, давая оценку личности правонарушителя, неоднократно совершающего однородные правонарушения, отмечает, что переход административного правонарушения в уголовное преступление происходит через субъект, совершивший деяние. То есть конструкция данного состава предполагает не переход из количества совершенных правонарушений в их качество, а приобретение нового качества лицом, совершившим правонарушение или уже преступление

[18. С. 12–14]. Данную позицию разделяют многие [19. С. 114; 20. С. 70; 21. С. 11; 22. С. 103].

Соответственно, неоднократность правонарушений необходимо рассматривать как признак субъекта преступления, обладающего устойчивостью антисоциальных свойств личности и являющегося источником преступного поведения, который выражается через факт предшествующего наложения административного взыскания в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Таким образом, общественная опасность уголовноправовой нормы с административной преюдицией выражается через характер и степень общественной опасности деяния, а также через антисоциальные свойства личности, являющейся источником преступного поведения. Введение таких уголовно-правовых запретов позволяет декриминализовать уголовно-правовые деяния небольшой тяжести через введение так называемого института административной преюдиции, где впервые совершенное противоправное деяние влечет наступление административной ответственности, и только повторное совершение проступка квалифицируется как уголовное деяние. При этом их применение допустимо в отношении отдельных видов общественно-опасных деяний, позволяющих наиболее эффективно разграничивать преступления и административные правонарушения, а также обладающих превентивным характером, позволяющим предупреждать более тяжкие уголовноправовые последствия, нежели само деяние, за которое наступает уголовная ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации : послание от 12 нояб. 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 нояб.
- 2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию: послание от 3 дек. 2015 г. // Российская газета. 2015. 4 дек.
- 3. Кузнецова Н.Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 78–86.
- 4. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. С. 3–14.
- 5. Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62–68.
- 6. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 153 с.
- 7. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР: постановление Пленума Верхов. Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. № 46 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 19611993. М.: Юридическая литература, 1994.
- 8. Определение суда надзорной инстанции от 18 апреля 2005 г. по уголовному делу 46-ДО5-11. ГАС «Правосудие» [офиц. сайт]. Режим доступа. URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=da89db07229c7c845d4103b41c061187&shard=%DO%A3%DO%B3%DO%A3%B3%DO%BE%DO%BB%DO%BE (дата обращения: 29.03.2018).
- 9. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Москва, [2007–]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0 (дата обращения: 21.03.2018).
- 10. Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов в 2016 году. Электрон. текстовые дан. // ФССП России. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyj_doklad_za_2016_god_2017441647.pdf (дата обращения: 29.03.2018).
- 11. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
- 12. Маркунцов С.А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 31–42.
- 13. Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
- 14. Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5. С. 27–31.
- 15. Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменением практики. Красноярск, 2002. Вып. 5. С. 25–32.
- 16. Шеслер А.В. Некоторые аспекты совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение законодательства о выборах // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 26–27 окт. 2007 г.). Тюмень, 2007. С. 59–64.
- 17. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань : Таглимат, 2006. 140 с.
- 18. Фризен П.Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. 208 с.
- 19. Борзенков Г.Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 110–114.
- 20. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.
- 21. Оноколов Ю.П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации // Миграционное право. 2013. № 3. С. 11–15.
- 22. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 97–103.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 июля 2018 г.

VALIDITY OF CRIMINAL PROVISIONS WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 202–207. DOI: 10.17223/15617793/435/26

Valery F. Anisimov, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: anisimov.vf@gmail.com Natalia Yu. Akinina, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian Federation). E-mail: anu8671@mail.ru Keywords: administrative prejudice; administrative offense; crime; criminal law effectiveness.

The subject of the study is criminal provisions with administrative prejudice, views of researchers setting forth their stances on adopting such provisions, as well as statistics and law enforcement, that allows assessing their validity. The article addresses several problems. (1) The views of researchers on introducing the institution of administrative prejudice into the criminal law have been considered. The first viewpoint reveals the fact that further offenses cannot constitute the public danger of an act. The second viewpoint, on the contrary, suggests that the public danger of a criminal act is determined not just by material elements but also by mental

ones, in particular, the persistence of its offending behavior. (2) The reasons for legislators' return to the institution of administrative prejudice, which they initially refused to adopt in the 1996 Russian Criminal Code, have been analyzed. The first viewpoint of researchers laid the basis for this refusal. However, legislators again came to use this institution for the following reasons. Firstly, administrative prejudice is a way to partially decriminalize acts. Secondly, it contributes to a clearer delineation between a criminal act and a wrongdoing, especially the cases wherein judgmental elements are deemed to be criminogenic elements of an act. Thirdly, the need to adopt some cases with administrative prejudice is due to a failure to influence certain types of socially dangerous behavior through administrative measures. (3) The public danger of criminal provisions with administrative prejudice has been justified, which is expressed in the nature and degree of the public danger of an act, as well as in the antisocial traits of a person being the source of criminal misbehavior. Alongside general scientific methods (analysis, synthesis, system approach), specific scientific methods (studying court verdicts available in the "Justice" state automatic system, as well as judicial statistics analysis) have been used in the study. The article concludes that the public danger of a criminal provision with administrative prejudice reveals in the nature and degree of the public danger of the act, as well as in antisocial traits of a person being the source of criminal misbehavior. Imposing such bans allows decriminalizing criminal acts of minor gravity, wherein a first wrongful act leads to administrative liability, and only further offenses qualify as a criminal act. At the same time, their application is feasible with regard to certain types of socially dangerous acts allowing to distinguish crimes and administrative offenses more efficiently, as well as those that have a preventive nature allowing to prevent more serious criminal consequences than the act which incurs criminal liability.

REFERENCES

- Rossiyskaya gazeta. (2009) Poslanie Prezidenta RF Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii: poslanie ot 12 noyab. 2009 g. [Address of President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation: address of 12 November 2009]. Rossiyskaya gazeta. 13 November.
- 2. Rossiyskaya gazeta. (2015) Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu: poslanie ot 3 dek. 2015 g. [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly: address of 3 December 2015]. Rossiyskaya gazeta. 4 December.
- 3. Kuznetsova, N.F. (1992) Tseli i mekhanizm reformy Ugolovnogo kodeksa [Objectives and mechanism for the reform of the Criminal Code]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 6. pp. 78–86.
- 4. Kovalev, M.I. (1982) Prestuplenie i prostupok [Crime and misconduct]. In: Kovalev, M.I. et al. (eds) *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usilenie bor'by s pravonarusheniyami* [Problems of improving legislation to strengthen the rule of law and the fight against offenses]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
- 5. Tarbagaev, A.N. (1992) Administrativnaya otvetstvennost' v ugolovnom prave [Administrative responsibility in criminal law]. *Pravovedenie*. 2. pp. 62–68.
- 6. Filimonov, V.D. (1973) Obshchestvennaya opasnost' lichnosti otdel'nykh kategoriy prestupnikov i ee ugolovno-pravovoe znachenie [The public danger of the personality of certain categories of criminals and its criminal law significance]. Tomsk: Tomsk State University.
- 7. Supreme Court of the Russian Federation. (1994) O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 122 UK RSFSR: post-anovlenie Plenuma Verkhov. Suda RSFSR ot 19 marta 1969 g. № 46 [On court practice in cases of crimes under Art. 122 of the Criminal Code of the RSFSR: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR of March 19, 1969, No. 46]. In: Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 1961–1993 [Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation 1961–1993]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
- 8. Pravosudie. (2005) Opredelenie suda nadzornoy instantsii ot 18 aprelya 2005 g. po ugolovnomu delu 46-DO5-11 [The determination of the superinstance of April 18. 2005 criminal 46-DO5-11]. [Online] Available from: court in case http://bsr.sudrf.ru/bigs/showDocument.html?id=da89db07229c7c845d4103b41c061187&shard=%DO%A3%DO%B3%DO%A3%B3%DO%BE%DO%BB%DO%BE. (Accessed: 29.03.2018).
- 9. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2007–present) *Dannye sudebnoy statistiki* [Court statistics data]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0. (Accessed: 21.03.2018).
- 10. FSSP Russia. (2016) Itogovyy doklad o rezul tatakh deyatel nosti Federal noy sluzhby sudebnykh pristavov v 2016 godu [The final report on the results of the activities of the Federal Bailiff Service in 2016]. [Online] Available from: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovyj_doklad_za_2016_god_2017441647.pdf. (Accessed: 29.03.2018).
- 11. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2017) Kriminologiya (obshchaya chast') [Criminology (general part)]. Tomsk: Tomsk State University.
- 12. Markuntsov, S.A. (2016) Administrative Prejudice as a Special Legal Tool and Expanding its Use in the Criminal Code of Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki Law. Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 31–42.
- 13. Lopashenko, N.A. (2011) Administrativnoy preyuditsii v ugolovnom prave net! [No to administrative prejudice in criminal law!]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 3. pp. 64–71.
- 14. Gogin, A.A. (2004) Otvetstvennost' za narushenie Federal'nogo zakona "O reklame" [Responsibility for violation of the Federal Law "On Advertising"]. Pravo i politika. 5. pp. 27–31.
- 15. Shesler, A.V. (2002) Soderzhanie obshchestvennoy opasnosti prestupleniya [The content of the public danger of crime]. In: Gorobtsov, V.I. (ed.) Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimeneniem praktiki [Topical problems of the theory of combating crime and law enforcement practice]. Is. 5. Krasnoyarsk: SibYuI MVD. pp. 25–32.
- 16. Shesler, A.V. (2007) [Some aspects of the improvement of criminal law on liability for violation of the legislation on elections]. *Osobennosti realizatsii izbiratel'nogo zakonodatel'stva na sovremennom etape* [Features of the implementation of electoral legislation at the present stage]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tyumen. 26–27 October 2007. Tyumen: Vektor Buk. pp. 59–64. (In Russian).
- 17. Malkov, V.P. (2006) Mnozhestvennost' prestupleniy: sushchnost', vidy, pravovoe znachenie [Plurality of crimes: essence, types, legal value]. Kazan: Taglimat.
- 18. Frizen, P.D. (2004) Administrativno-pravovoe preduprezhdenie otdel'nykh vidov prestupleniy [Administrative and legal prevention of certain types of crimes]. Law Cand. Dis. Barnaul.
- 19. Borzenkov, G.N. (2002) [Trends and prospects for the development of criminal legislation in the 21st century (the experience of comparative-temporal analysis)]. *Ugolovnoe pravo v XXI veke* [Criminal law in the 21st century]. Proceedings of the International Conference. Moscow: LeksEst. pp. 110–114. (In Russian).
- 20. Korobeev, A.I. (1987) Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika: problemy kriminalizatsii i penalizatsii [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok: Far Eastern State University.
- 21. Onokolov, Yu.P. (2013) Rasshirenie primeneniya administrativnoy preyuditsii povysit preventivnoe vozdeystvie Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Expanding the use of administrative prejudice will increase the preventive effect of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation]. *Migratsionnoe pravo*. 3. pp. 11–15.
- Ustinova, T.D. (2003) Rasshirenie ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnoe predprinimatel'stvo [Expansion of criminal liability for illegal business]. Zhurnal rossiyskogo prava. 5. pp. 97–103.

Received: 17 July 2018